

скаго правительства,—дипломатическихъ дѣлъ мастера Остермана и такого же военныхъ дѣлъ мастера Миниха съ ихъ единоплеменниками и русскими единомышленниками“.

Да, въ Россіи мысль о Черномъ морѣ тѣсно связана съ живымъ вниманіемъ къ насущному интересу народа, объединеннаго одинаковымъ чувствомъ. Зародившись въ сѣдой древности, это вниманіе красиво и ярко обозначилось въ молодомъ и благородномъ порывѣ Петра Великаго, опредѣленно сказалось въ зрѣломъ выраженіи русскихъ національныхъ силъ при Екатеринѣ Великой; запечатлѣлось душою русскаго народа, изумившею въ Севастополѣ своимъ величіемъ даже врага. Въ славную годину освободительной войны 1878 г. величіе это проявилось въ беззавѣтной готовности къ самопожертвованію. Но несомнѣнно, что въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ договорѣ стремленіе къ Черному морю впервые получило твердую основу для своего дальнѣйшаго укрѣпленія, а поэтому онъ и близокъ всѣмъ моментамъ развитія этого русскаго національнаго стремленія.

Благотворное вліяніе постановленій Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, касающихся судоходства чрезъ проливы, стало весьма скоро очевиднымъ. Процвѣтаніе Одессы, основанной въ 1792 г., и ея хлѣбной торговли, было бы при прежнемъ порядкѣ совершенно невысказаннымъ. Но вліяніе новаго положенія сказалось не только въ отношеніи русскихъ интересовъ. Могучій разцвѣтъ греческаго судоходства,—а онъ привелъ и къ росту матеріальнаго благосостоянія, и къ созданію флота,—имѣлъ немалое значеніе въ борьбѣ грековъ за свою независимость. Разцвѣтъ этотъ, отчасти, обусловленъ отмѣченнымъ вліяніемъ. Греческія судоходство и торговля совершенно измѣнились, когда Россія предоставила многимъ изъ грековъ право плавать подъ ея флагомъ. Столь широкое отраженіе на Балканскомъ полуостровѣ интереса, въ сущности, русскаго, не случайно. Вѣдь въ сторону освобожденія Православнаго Востока издавна обращены русскія надежды и дѣятельность, вытекающія изъ глубины народной души. Справедливость этого подтверждаютъ и лучшіе представители русской политической мысли, которые силою своего генія выразили въ яркихъ словахъ и образахъ національный идеалъ.

Если развернуть страницы Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, то среди его статей (артикуловъ) всякій, кто знакомъ съ обычно себялюбивымъ содержаніемъ международныхъ соглашеній XVIII вѣка, прочтаетъ съ живымъ вниманіемъ постановленія о Молдавіи и Валахіи, объ Архипелагскихъ островахъ и о Грузіи съ Мингрелією. Въ ту суровую эпоху была необычна забота о